

Григорий Померанц: Жить без подлости

Норвежская Академия Литературы и Свободы слова Бьёрстьерне Бьёрнсона присудила престижную премию российским философу Григорию Померанцу и поэтессе Зинаиде Миркиной.

В пресс-релизе академии сказано, что "присуждение премии Померанцу и Миркиной - это признание их многолетнего обширного творчества, которое способствует поддержке свободы слова и проведению в жизнь идеи человеческого достоинства и духовного роста в России".

Признание отраднo и более чем заслуженно. Действительно сегодня, пожалуй, нет в России более глубокого и многостороннего мыслителя, чем Григорий Соломонович Померанц. За его спиной громадный жизненный опыт. Еще до войны он окончил знаменитый МИФЛИ - отделение русской литературы. На фронт ушел добровольцем. Был дважды ранен. А через год после Победы был исключен из ВКП(б) "за антипартийные заявления". Еще через три года - арестован по обвинению "антисоветской деятельности". На свободу вышел в год смерти Сталина. Далее: работа учителем в сельской школе, библиографом в академической библиотеке. В 70-е годы сотрудничает с эмигрантскими изданиями. В России много печатается с конца 80-х годов. Его главные труды: "Открытость бездне. Встречи с Достоевским", "Лекции по философии", "Огонь и пепел" (совместно с Миркиной), "Выход из трансa", "Великие религии мира" (в соавторстве с З.А. Миркиной), "Опыты философии и культурологии", "Страстная односторонность и бесстрашие духа", "Записки гадкого утенка", "Еще одна жизнь".

Его последняя пока по счету работа "Дороги духа и зигзаги истории" датирована 2008 годом - годом, когда автору исполнилось 90 лет. Это поразительно глубокая и мудрая книга. С высоты своего возраста и с вершины общечеловеческого опыта он пишет:

"За две с половиной тысячи лет только очень немногие почувствовали, что они не могут, как все, поддаваться поверхностным волнам агрессии и полового голода. Только немногие открывают в себе власть глубины".

Ощувив ее однажды, Григорий Померанц остается ей верным на всех виражах и при всех зигзагах истории.

В 1961 году в его жизнь вошла поэт и эссеист Зинаида Миркина, и дальше их житейские и творческие дороги соединились. В сотрудничестве друг с другом они пишут книги, эссе, участвуют в научных дискуссиях, проводят общие семинары... Не случайно же Норвежская Академия присудила почетную премию Бьёрстьерне Бьёрнсона за 2009 год им обоим - не самым ярким представителям современной творческой интеллигенции России - Григорию Померанцу и Зинаиде Миркиной.

Присуждая премию российским литераторам, академия сочла необходимым отметить, что "философ и культуролог Померанц обладает глубоким знанием европейской и восточных традиций", что "через все его творчество красной нитью проходит воля к диалогу и взаимоуважению, к подлинному единству людей, независимо от их вероисповеданий и убеждений".

В свою очередь Зинаида Миркина, имея за плечами богатый и самобытный художественный опыт - стихи, сказки, литературоведческие исследования, - открыла в глубине себя красоту целостного мира.

Оба они являются авторами многих совместных работ, где, как говорят они сами, "их труд сливается в одно единое целое". И то, что поэту удастся передать в стихах, продолжает отражаться в эссе и наоборот.

Торжеству предшествовал семинар "Возможна ли свобода слова в России?". Под занавес награжденные произнесли речи.

Прямая речь

- Я думаю, в судьбах русской свободы слова можно многое понять, следуя за Г.П. Федотовым в анализе терминов "свобода" и "воля". Веер значений "свободы" уходит в республики древнего Средиземноморья, ведет на агору и на форум. Слово "воля" скорее ведет на простор, где нет никаких ограничений, ни стен, ни заборов.

Помкомвзвода, которого я запомнил с 1941 года, никогда не говорил: "выходи на улицу", "выходи на двор". Только - "выходи на волю".

На средневековом Западе свобода скорее вела в город, обнесенный высокими стенами. Свобода горожанина была ограничена и обеспечена. Она не мыслилась без ответственности за город и четко сформулированного закона.

Ничего подобного не было в России. Существовали русские вольные города, но о правовых традициях античности они ничего не знали. Споры на новгородском вече решались кулаками. Стилистика парламентских речей там так и не сложилась.

Завоевав Западную Сибирь, Ермак подарил ее Ивану Грозному - видимо, рассчитывая на известную степень автономии. Однако воеводы строили крепость за крепостью, и казаки уходили дальше на восток. Пространство съедало социальную напряженность, центральная власть нехотя мирилась с открытой границей, но, в конце концов, Александр II закрыл Америку, продал Аляску Соединенным Штатам.

На юге дело шло иначе. Там не было безграничного простора. Казачьи авангарды сталкивались с форпостами Турции и Ирана или с Большим Кавказским хребтом, и показалось легче продолжить традиции смуты, повернуть с Юга на Север, опрокинуть московскую державу и создать царство казачьей воли. К отряду Степана Разина примыкали многотысячные толпы крестьян, придавленных крепостным правом, но бунтующие толпы не могли в мгновение ока превратиться в казачье войско. Поражением кончился и замысел Емельяна Пугачева. Этим последним отголоском мятежей начала XVII века попытки всероссийской воли кончились, и казаки стали послушным пограничным сословием.

Однако сразу же роль борца за свободу подхватило дворянство. Потомки крепостников, получившие волю ездить на Запад и досуг читать Вольтера, Дидро, Руссо, стали размышлять и сравнивать русские порядки с европейскими идеями. Но нашелся один, чье сердце охватил жгучий стыд от власти над крещеной собственностью. Он в полном одиночестве - как впоследствии авторы самиздата - написал и издал "Путешествие из Петербурга в Москву". Не было никаких шансов затронуть этой книгой тогдашнее общество. Но Екатерину она испугала.

Радищев был арестован, сослан, при наследнике Екатерины возвращен, еще раз почувствовал свое одиночество и покончил с собой. Тираж его книги сожгли. Но сожженные книги восстают из пепла.

С этого отчаянного шага начался новый период. Русская литература перестала быть придворной. Она стала всенародной, а потом и всемирной, она стала воплощением свободного духа.

Дальнейшая история делится на три периода. В первый на авансцене остаются дворяне. Гвардейские офицеры в декабре 1825 года пытаются свергнуть Николая I и сделать русскую монархию конституционной. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев создают русский литературный язык и традицию художественного слова. Во второй период ведущей фигурой становятся выходцы из семей священников, ученики духовных семинарий. Они порывают с религией и становятся пропагандистами левых западных течений. "Что делать?" Чернышевского - прокламация в форме романа. Эта книга становится библией нескольких поколений русских революционеров.

Толстой и Достоевский, каждый по-своему, уходят от этого течения вглубь, к вопросам, в которых литература близка к священному писанию. Русское западничество и сама Европа становятся для них чем-то мелким сравнительно с русской духовной широтой. В этой широте физическая воля просторов приобретает духовные измерения. Достоевский - в своих "Зимних заметках о летних впечатлениях", забытых читателями, бросает фразу, поразившую меня:

"Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, не испытывающая за себя никакого страха, не может найти себе другого употребления, как отдать себя всего всем, чтобы и другие стали такими же полноправными и счастливыми личностями. Это закон природы. К этому тянет нормального человека..."

Я цитирую наизусть то, что живет во мне более семидесяти лет. И семьдесят лет остается нерешенным вопрос: а как же другие? Когда же они сумеют принять и усвоить призыв к сильно развитой личности?

Современники не поняли Достоевского. Многие его идеи остались как снаряды на старом поле битвы, взрывающееся через десятки лет. История шла своим путем. Вышла на авансцену третья очередь общественных слоев, вырванных из традиций самодержавия контактом с Европой. Европейские идеи дошли

до фабричных рабочих и национальных меньшинств. На рубеже XX века эти слои входят в освободительное движение и придают ему свою окраску. Марксизм становится ведущей идеологией. Бурные события в городах сделали то, чего не добились народники-пропагандисты: началась пугачевщина без Пугачева; мужики жгли помещичьи усадьбы, потом их пороли и вешали. К 1907 году все улеглось, но в 1917-м, после трех лет невиданно тяжелой войны, вспыхнуло снова. Большевики с успехом использовали погромную стихию против белых, а потом жестоко подавили ее. К 1922 году власть сосредоточилась в их руках. Однако никакое насилие не создавало золотых сортиров. Хватала за горло костлявая рука голода. И пришлось освободить крестьян от принудительной сдачи продуктов и дать известную волю частной инициативе.

Опыт Дэн Сяопина показал, что такая политика открывала возможность эффективного развития. Но идеи Бухарина у себя на родине были забракованы. Сталина, "восточного повара, любящего острые блюда", тянули к себе дороги, усталые трупы. Историки вечно будут спорить, что ему помогло победить соперников, намного превосходивших его в разработке теоретических концепций и в искусстве слова. Опора на аппарат? Думаю, что не только. В нем была какая-то демоническая сила, подчинявшая помощников. Он замечал людей, которых околдовывал, и умело их использовал.

Возможно, сказались и то, что охранка в последние годы царского режима внедряла в революционные партии агентов. Иные из них были по-своему талантливы. И есть много косвенных данных (хотя ни одной прямой улики), что Сталин после экспроприации Тифлисского банка избежал царской виселицы согласием на двойную роль. Так это или нет, но он отличался от Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина одним тактическим преимуществом: идеи для него ничего не значили, он менял их как перчатки. Единственной целью его была тотальная личная власть, и он добился ее.

После смерти Сталина осталось не ясно, сохранилась ли интеллигенция как интеллигенция, крестьянство - крестьянством, народ - народом. Все слилось в массу хорошо управляемой полуобразованности. Духовная свобода и свобода слова сохранялись только среди антисоветчиков, остальные жевали слова, которые в 1917 году вызывали трепет в сердце, а в 1953-м потеряли силу. В правящей партии не осталось ни одного идеолога. Медленно всплывали из нравственной неразберихи старые национальные ценности, но они плохо подходили и многонациональному Советскому Союзу. И скорее разрушали, чем связывали Союз. И когда началась перестройка, советская власть стала рушиться, как старый гриб.

Первые годы перестройки вызвали большие надежды. Однако гласность очень скоро выродилась. Сплошь и рядом она продавалась и покупалась. Разгулялись демагоги. Приоритетной фигурой стали новые русские, грызшиеся друг с другом за собственность, как бандиты на своей сходке. Пришлось даже заключить конвенцию - не использовать убийство как средство конкурентной борьбы. Однако на журналистов табу не распространялось. Их до сих пор подстреливают без страха мести или наказания. Криминальные нравы и словечки стали модой. Государственные деятели оживляют свою речь выражениями, которые я помню по лагерю. Образованность потеряла свой стиль, свой слог, свой запрет на некоторые вещи. Как-то забылось, что личность определяется не только тем, на что способна, но и тем, на что она решительно не способна.

Гласность вывела из забвения книги, созданные в серебряном веке, в эмиграции; первое время ими упивались. Но отклики лучших русских умов на далекие события только отчасти отвечают на вопросы современности. Западные разборки совсем мало затрагивают наши языки. Удержится ли влечение к православию, возникшее после многолетнего третирования, трудно сказать. Введение Закона Божия в школы может вызвать и нигилизм. Во всяком случае, массовое крещение еще не делает людей действительно православными.

Попытки заполнить пустоту спесью и воспоминаниями об эпохе, когда весь мир нас боялся (хотя что хорошего в том, чтобы вызывать страх?), - эти попытки скользят по поверхности. Захватывает массу жажда наживы, угар чувственности, обещание бесконечных наслаждений от наркотиков. Одновременно нарастает тоска по глубине, где дышит Бог Дух, ступающий от сердца к сердцу. Но как собрать одиноких, разбросанных по стране? Как помочь им разобраться в себе самих? Возникают небольшие группы, до пятидесяти, до ста человек, семинары, в которых идут дискуссии о философии Соловьева, о традициях Индии, о буддизме дзэн, - но их влияние не выходит за рамки одного круга. Сможет ли телевидение, Интернет связать родственные группы? Возможна ли общность духовных поисков, общность противотечений нравственному распаду?

Большой мир городских окраин оторван от природы и не вошел в стены цивилизации. История застыла здесь на полдороге. Темная воля, склонная все рушить, забрасывает мусором улицы поселков и опушки лесов. То, что Эхарт назвал внутренним человеком, слишком долго топталось во имя фантастических целей революции. И трудно сказать, сколько нужно лет, чтобы поддержать новую поросль. А пока согласимся жить в безвестности, но без подлостей. Нужно много контейнеров для всякого мусора, в том числе духовного, не

только в закоулках и на опушках, но и на Красной площади.

Воспитание - трудное дело, и совершается оно не только в школе. Молодежь липнет к телевизору, усталый человек включает телевизор - и их забрасывают леденцами пополам с мусором. Надо сознавать, что ты делаешь, когда говоришь, пытаешься передать свой внутренний опыт и свои открытые вопросы.

Тут есть обстоятельство, которое часто забывают. Во всякой педагогической работе - в том числе в эфире - надо помнить характер ученика. Открытая граница вширь отошла в историю, но осталась в русском характере. И нужно сдерживать, но не сковывать то, что названо душевной ширью (и часто становится разбросанностью). Достоинство, выйдя за свои рамки, становится злом. Но сама по себе широта - не зло. Гармония может быть достигнута при очень большой широте. Это показали романы Толстого и Достоевского. Гармония достигается духовной иерархией, господством тихой глубины над поверхностными бурями. Только в опоре на глубину возникает стиль общения, подобный спору Степуна с Трубецким в 1913 году, накануне века катастроф. И воспитатель должен набраться терпения. Очевидные результаты могут появиться не скоро. Для успешной борьбы за свободу слова нужна внутренняя свобода, неотделимая от ответственности, а это единство складывается год за годом, десятилетие за десятилетием.

Провести оздоровление России невозможно, если просто закрыть глаза на яды, накопленные историей. Их нельзя вырезать, как опухоль. Но можно их обнажить, осознать и довести до ничтожности их след.

Дословно

Зинаида Миркина: Свобода слова не стала силой слова

- Григорий Соломонович кончил свою речь словами о необходимости внутренней свободы. Вот об этом я и хочу немного сказать. Перестройка отменила цензуру. Какое-то время у нас была полная свобода слова. Нельзя сказать, что сейчас она полностью ликвидирована. Остались какие-то точки, где она есть. Но в советские времена нам казалось, что свобода слова будет нашей абсолютной свободой. Оказалось, что все не так. Это была внешняя свобода, которая вовсе не дала того, чего от нее ждали.

Свобода слова не стала силой слова. Напротив, появилось равнодушие к слову, девальвация слова. Можно было говорить все, что угодно, но слово, которое дало бы смысл жизни и помогло бы духовной ориентации в мире, оказалось в большом дефиците.

Свобода превратилась во вседозволенность и разнузданность. В книжных магазинах можно было найти все, что раньше запрещалось: и замечательную литературу, в том числе и религиозную, и откровенно фашистскую. Но больше всего - просто горы развлекательной беллетристики. Причем настоящие тиражи были только у этого легкого чтения. Тиражи черносотенной продукции были тоже немалыми, чего не скажешь о литературе подлинной. (Исключение составляет, может быть, только прекрасная книга Л. Улицкой "Переводчик Даниэль Штайн".)

Да, все разрешено, что запрещалось прежде, восстановили церкви, стали возрождать религию, повернув назад в "светлое прошлое". Но что такое возрождение религии, в котором нет настоящего поворота в глубину?

Что такое возврат к вере без благоговейного отношения к тишине, в которой только и может прозвучать Божье слово? Ибо только тишина приводит нас внутрь, в то самое царство, которое внутри нас.

Внутренняя свобода и есть свобода Того, кто находится внутри нас, глубоко внутри, в самой последней глубине нашей. Это свобода Бога, запертого в нашем сердце и оглушенного шумом наших страстей, заключенного в клетку нашего "эго".

Внутренняя свобода - это простота и подлинность живого и вечного в нас. Отбросить все лишнее, все показное - и вдруг выйти на чистый воздух, где можно глубоко и полно дышать.

Мы получили огромное число откликов на наш неожиданный прорыв в телевизионный эфир. Мы не успевали отвечать на них. Ответили только немногим. Но нас глубоко взволновала эта тоска по слову без фальши и риторики, по неподдельной, не официальной вере.

Мы чувствовали и раньше огромную духовную жажду, работая на нашем семинаре, получая отклики на наши книги, которые доходили в дальние уголки только изредка, - из-за малых тиражей и отсутствия системы распространения. Но когда нас выпустили на экран телевидения, число откликов более чем удесятилось. Мы почувствовали, как людям нужно то же, что нужно и нам. В одном из откликов есть такие слова:

"Появилось ощущение - жизнь не напрасна. Если они (то есть мы) что-то такое про эту жизнь поняли, значит, и я, возможно, что-то пойму".

Видимо, мало внешней свободы слова. Без свободы внутренней, без наполнения слова глубинным смыслом, слово не питает душу. И свобода слова легко переходит в словоблудие.

Внутренняя свобода - это погружение в глубинные слои души. Единство, которого до сих пор не нашел мир, можно обнаружить только там. И это наша задача.

В послесловии к нашей общей книге "Великие религии мира" есть такие слова: "Глубинное ядро одной религии ближе к глубинному ядру другой, чем к своей собственной поверхности". Это относится не только к религии, но и ко всей культуре.

Искать единство на поверхности бесполезно, там все раздроблено, и единство может быть только единением одной группы против другой, единство превращается в штамповку, унификацию. Единство, находящееся в глубине, - это та тайна жизни, которая делает весь космос живым организмом.

Жить на поверхности легче. Опирайтесь на готовые идеи, изобретенные кем-то другим и не прошедшие через собственный внутренний опыт, - куда проще, чем быть самим собой, найти внутреннюю опору. Но истинно свободным может быть только тот, кто эту опору нашел.

Автор: Юрий Богомолов   © Российская газета   ОБЩЕСТВО, РОССИЯ   👁 2718   23.11.2009, 17:23   📌 160
URL: <https://babr24.com/?ADE=82371>   Bytes: 18755 / 18732   Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Юрий
Богомолов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)